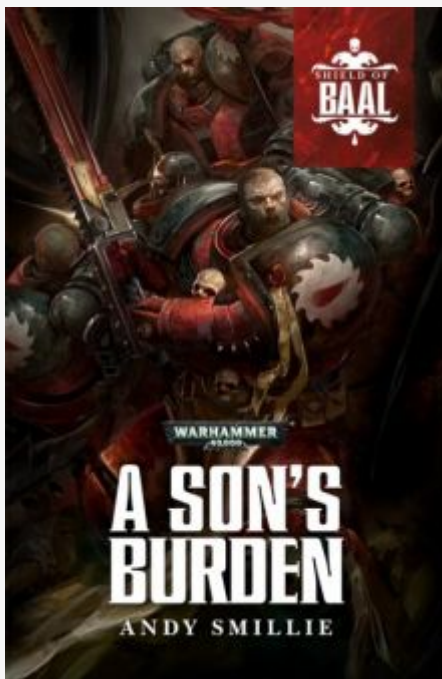

Сыновье бремя / A Son`s Burden (рассказ)

Сыновье бремя / A Son`s Burden
(рассказ)

Автор	Энди Смайли / Andy Smillie
Переводчик	dima_v
Издательство	Black Library
Серия книг	Щит Ваала / Shield of Baal
Год издания	2014
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Экспортировать	PDF , EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	

Я помню тот день, когда Сет оставил мир умирать. Помню голоса наших братьев, оставленных умирать вместе с ним. Тогда он сказал, что наши жизни стоят меньше, чем планета легиона, который нас сторонился. Я помню этот день потому, что это был первый день, когда я поверил, что у Сета достаточно сил, чтобы спасти нас.

Капеллан Расчленителей Апполлус

Тьма. Она разливается со всех сторон густым облаком, в котором небо сливается с землей. Это и

проклятие, и благословение, ни враг не видит меня, ни я – его. Я бросаю взгляд на запад, где тьма разрывается безостановочным артиллерийским огнем. Когда я смотрю, как в далеких зданиях разгорается огонь, внутри меня закипает злость. В тех зданиях мои братья, магистр моего ордена.

Кровь. Я пропитан её теплом. Моя броня и бритая голова покрыты кровью, она застилает мне глаза, как багровый пот. Вся эта кровь – не моя. К сожалению, не вся она чужая.

Смерть. Она окружает меня. Во всю длину склада раскиданы расчлененные трупы недавно убитых. Их конечности и внутренности оставляют пятна на рифленом железе здания. Рядом с ними тихо лежат погибшие давно, чьи кости трещали под ногами во время сражения.

- Здание зачищено, капитан, – прозвучал слева голос голоса брата-сержанта Кофи.

Я убираю меч в ножны и поворачиваюсь к нему. Глаза сержанта такие же темные, как пепел, который он использует, чтобы скрыть своё лицо.

- Сколько? – сначала я спрашиваю о наших погибших братьях.

- Семь, – Кофи поднимает кулак, в котором держит моток проволоки. С крюков, нанизанных на него, свисают семь языков, – их трупы будут лежать в тишине. Сержант связывает концы и вешает на свою толстую шею.

Я киваю. Удаление языка – древняя традиция с Кретации. Это не даст призраку скаута говорить с преследователями, и он не предаст остальной отряд. Я был рожден и выращен на Кретации, как и остальные двадцать три скаута под моим командованием. Не важно, существуют ли такие призраки, я воздаю дань традиции.

- Что с врагом?

- Почти две сотни по примерным подсчетам.

- Хорошее число, – отвечаю я. Несмотря на все мои усилия, слова звучат так же пусто, как мало они значат на самом деле. Две сотни – это даже не малая часть вражеских сил, наводнивших город вокруг нас. Я смотрю на горящий горизонт на востоке.

- У нас мало времени. Выдвигаемся через пять минут, – я поворачиваюсь к Кофи, – наш правый фланг будет открыт во время пересечения улицы. Пусть основные силы пойдут слева, мы не можем себе позволить застрять в очередной перестрелке. Если она начнется, одно из отделений останется прикрывать наше продвижение.

- Сержант Виритиил и его бойцы пойдут по левому флангу. Их тяжелый болтер подарит нам некоторое время, если мы будем обнаружены, – Кофи делает паузу, – Темель, у нас есть раненые, – он понижает голос, обращаясь ко мне по имени.

Я не спрашиваю, сколько их. Это не имеет значения. Пять, пятьдесят – это не изменит моего приказа, и Кофи знает это. В его глазах нет надежды, они остаются такими же твердыми, как его бугрящиеся плечи. Сержант говорил из чувства долга перед своими воинами.

- Оставьте их.

Хотя я и уверен в том, что делаю, мой голос настолько холоден, что удивляет даже меня самого. Никогда не думал, что доживу до момента, когда смогу отказываться от братьев также легко, как от

использованного аккумулятора. Я провел слишком много времени в тени. Мои действия были скрыты, и их судил только неотрывный взгляд моей совести. Я вздыхаю. Даже она превратилась в уставшего наблюдателя, неспособного вызвать чувство вины.

- Долг и честь не всегда идут рука об руку, - звучит голос сержанта Эшироса, похожий на твердый шепот снайперской винтовки, - но они пересекаются достаточно часто, чтобы доблестные остались на верном пути.

- Ты провел слишком много времени с капелланом Апполлусом, сержант.

Я поворачиваюсь к Эширосу, который выглядит очень потрепанным. Кожа на его лице исказилась и загрубела, а нижняя часть обгорела до черноты.

- Что случилось?

Эширос ухмыляется, и его неприятные раны искажаются ещё больше, придавая лицу жестокое выражение.

- Капеллан не дал бы тебе так быстро отойти от темы, капитан.

Я улыбаюсь. В глазах Эшироса горит только праведное тепло. Он точно станет капелланом.

- Я найду Апполлуса, когда мы вернемся на Виктус, - я коротко киваю Эширосу и поворачиваюсь к Кофи.

- Если мы не доберемся до артиллерийских позиций до начала дня, мы провалим задание. Оставьте с ранеными поисковый маяк, когда миссия будет выполнена, мы пошлем за ними.

- Андас и Сотис просили разрешения остаться с ранеными, - Кофи уже отворачивается от меня, - они помогут зачистить одно из меньших зданий.

- Нет, мы не можем оставить никого. Миссия будет тяжелой.

- Увидимся на улице, - голос Кофи не выдает его чувств.

Я смотрю ему в спину, пока он уходит и исчезает во мраке здания. Наша следующая битва в дуэльных клетках многое откроет.

Следующие пять минут я стою один.

Стремительные щелчки перезаряжаемого оружия и резкий скрежет лезвий, водимых по точильному камню, помогают мне следить за временем. Этот привычный отсчет до битв, является для меня более точным, чем любой хронометр. Я смотрю во тьму улицы и мои сердца начинают биться быстрее в ожидании крови и смерти.

Неккарис. Темный мир. Солнце, которое когда-то сияло на горизонте - ушло. Луны планеты - побитые оболочки, безжизненно висящие в черноте. На планете не видно ничего из остальной вселенной, кроме слабого мерцания далеких звезд.

- Ложись! - прокричал с переднего парашюта неккарийский солдат. Сержант, судя по бронзовой полосе на его плече, бросился в траншею, и за ним последовали бойцы его отделения.

Капеллан Апполлус не пошевелился. Он стоял, опершись на стену, пока вокруг разрывались

артиллерийские снаряды. От его брони отскакивала каменная пыль и металлическая шрапнель.

- Уже три дня мы подвергаемся атакам, три дня враг обстреливает нас из мортир и осадных орудий, - капеллан повернулся, вперив взгляд в неккарийцев, - и все эти три дня снаряды не падали дальше этой стены. Когда эти идиоты научатся просто приседать?

Харахель хмыкнул. Он стоял слева от Апполлуса, опираясь на эвисцератор, чье лезвие было выше, чем любой местный житель.

- Может быть, тебе стоит использовать это время и провести им службу, вдохнуть в этих «воинов Императора» немного доблести.

- Такие хрупкие сосуды не смогут сдержать огонь доблести, - ощерился Апполлус.

- Я удивлен, что этот дурак ещё не сорвал голос из-за всех этих криков, - сказал Нисрок. Апотекарий стоял с ними на стене, с руками, скрещенными на груди.

Балтиил вздохнул за его спиной. Он ожидал такого открытого презрения от Апполлуса, а сдержанная агрессия Харахеля была намного лучше, чем приступы ярости, которые случались у чемпиона роты. Но Нисрок... Балтиил посмотрел на аптекария, чей левый глаз заменяла бионика. Библиарий потянулся разумом, изучая поверхностные мысли Нисрока. В последнее время аптекарий стал более мрачным, он был сам не свой с Армагеддона.

- Если вы собираетесь насмеяться над ними, сделайте это не так открыто. Неккарийцы нам пригодятся в последующие дни, - сказал Балтиил по внутреннему воксу.

- Я сомневаюсь в этом, брат, - указал Апполлус на неккарийских солдат, съежившихся у стены траншеи.

Сет почувствовал на себе взгляд Балтиила, но промолчал. Он разделял чувства Апполлуса. Расчленители плохо подходили для обороны. Это сидение на месте разъедало их сдержанность, и, если они не смогут скоро вступить в бой, то у неккарийцев будут более серьезные проблемы, чем открытая грубость.

- Как долго нам ждать? - спросил Харахель в пустоту.

- Пока Темель не выполнит миссию, - ответил Сет, рассматривая раскатывающиеся взрывы, создающие и разрушающие городской рельеф.

- Если он ещё жив, - сказал Апполлус, - у нас всё ещё нет никакого представления о том, сколько врагов сейчас в столице.

- Капитан Темель не подведёт нас, это не в его крови, - сказал Сет, - как только он уничтожит артиллерийские позиции - мы выступаем, - он повернулся, чтобы осмотреть конвой из бронетранспортеров «Носорог» во дворе. Десять бронированных машин, казалось, возмущены бездействием. Их корпуса дрожали, пока двигатели работали на холостых оборотах.

- К тому времени я бы уже прошел половину города, - между пальцев Апполлуса посыпалась каменная пыль, когда он сжал каменную стену.

- Даже ты и твоя рота смерти не переживут этого, - Нисрок указал на землю за стеной, в которую врезался очередной артиллерийский залп, создавший ещё один кратер на усыпанном обломками ландшафте.

- В нынешней ситуации я готов это проверить.

- Повелитель Сет, - дрожащим, как земля под ногами, голосом обратился к магистру ордена полковник Ним. Его строгий, уверенный тон, поставленный за 30 лет командования, будто пропал, когда солдат обращался к Расчленителю.

- Что?

Полковник вздрогнул, когда Сет повернулся, чтобы взглянуть на него.

- Астропаты, повелитель, они получили для вас сообщение.

- От кого?

- Повелитель, оно от владыки Данте.

Я замираю. Во тьме перед собой я вижу сжатый кулак, который передает предупреждение. Враг. Я падаю на живот и ползу вперед. Куски камней и осколки стекла, усеивающие землю, сдвигаются и трескаются от моего движения. Я продвигаюсь с осторожностью, минимальный шум, который я издаю, теряется в завывании ветра и далеком реве артиллерии. Но всё же, каждый шорох камня бьет мне по ушам, будто бы это неожиданный звук выстрела. Я тренировался двигаться бесшумно сотню лет, но столько же тренировался слышать самые неразличимые звуки. Это разочаровывающее противоречие моей жизни, которую я провел, слушаю тишину, которую никогда не смогу услышать.

Я подполз к двери и оказался рядом с Кофи и его отделением. Пять скаутов были почти невидимы, как духи, скрытые дождем и дымом, покрывающим город мрачным покровом. Кофи прижимается к разрушенной части стены, несколько выпавших кирпичей позволяют ему заглянуть внутрь комнаты. Он жестом подзывает меня взглянуть. Я осторожно поднимаюсь на одно колено и смотрю в щель над сломанной железной панелью, закрывающей дверной проем.

Соседняя комната - огромна, её пол заставлен высоченными дата-прессами, потрескавшимися и разбитыми от безжалостной бомбардировки. Металлические опорные балки и арматура торчат в разные стороны из под скалобетона, покрывающего стены. Мой взгляд следует за толстыми трубами, за извивающийся балкон и неровные края верхних этажей. Всё это я вижу за удар сердец, до того, как запах пепла и быстро потушенного огня появляется на ветру и снова привлекает моё внимание к земле. Примерно в центре комнаты, между несколькими прессами, в круг согнана группа побитых гражданских, в порванной одежде. Мужчины, женщины и дети всех возрастов отчаянно хватаются друг за друга, вымоченные дождем, падающим сквозь сломанную крышу. Справа от них стоят три десятка предателей, они готовы стрелять. Я даю сигнал продвигаться, но останавливаюсь, заметив кое-что ещё.

Я моргаю, чтобы прочистить глаза и пристально вглядываюсь во тьму, за спинами предателей, промежутков, на пути дождя. Я вижу его. Архиврага. Его броня глубоко черного цвета, маслянисто-зеркальная, отражающая окружающую его тьму.

Я вижу, как палец Сотиса напрягся, на курке его снайперской винтовки.

Я поднимаю руку с растопыренными пальцами.

- *Жди.*

Сотис убирает палец с курка. Впереди на виду появляются ещё двое из рядов архиврага, держа болтганы на уровне груди. Сотис кивает мне в знак благодарности. Его взгляд задерживается на мне, в глазах

застыл вопрос.

Я отворачиваюсь. Гражданские – не наша цель.

Вокруг нас не укрытый, крошащиеся кирпичи не защитят от шторма болтов.

Если бы там был один воин архиврага, мы бы взяли комнату и продолжили выполнение задания. Встретившись с тремя, мы понесем потери, которые не можем себе позволить.

- *Есть ли обходной путь?* – знаками спрашиваю я у Кофи.

- *Эширос ищет его.*

- *Тогда мы держим позицию,* – жестами отвечаю я, а мои глаза не отрываются от гражданских. Я вижу, как мужчина обнимает женщину, женщина – ребенка, ребенок – ещё одного ребенка. Я уже видел такое раньше. Когда-то я думал, что это проявление мужества. Но я был не прав. Это всего лишь покорность судьбе, а не отвага. Люди просто не хотят умирать в одиночестве. Император даровал им хотя бы это. Я слышу щелчки готовящегося к стрельбе оружия.

Предатели открывают огонь.

Здание наполняется грохотом автоганов, создающим давящее эхо, похожее на приближение шторма. Я вижу искажения в дожде, пули прорывают тоннели брызгов, пока летят в сторону людей. Тела дергаются, когда в них попадают пули. Рты остаются открытыми в крике, который теряется в жестоком смехе предателей. Глаза расширяются от боли и страха, а затем из них исчезает жизнь. Шум затихает, движение прекращается. На мгновение, нет ничего кроме дождя и дыма из стволов оружия предателей.

- *Во внешней стене есть брешь. Мы можем пройти сквозь неё,* – шепотом говорит Кофи.

- *Где?*

- *На дальней левой стороне, Эширос проведет нас,* – Кофи указывает на участок балкона.

Я смотрю вверх и вижу Эшироса. Сержант и четверо его скаутов скрываются в обломках лестницы.

- *Принято,* – киваю я, три раза постучав по комм-бусине на моем горле.

- *Вперед, одной колонной,* – я стучу ещё раз, делаю паузу, и ещё два.

- *Двигаемся скрытно, обходим слева,* – Кофи и его отделение пробираются в комнату. Я жду, пока последний из них не дойдет до первого пресса, перед тем как последовать вместе с Сотисом и Андасом. За нами двигается отделение Билета, а Витриил остается позади, чтобы прикрывать огнем. Мы двигаемся медленно и осторожно, передвигаясь между прессами, только по сигналам Эшироса.

На уровне третьего пресса, за сорок шагов до дыры в стене, самая близкая к мертвым гражданским точка нашего пути. Мои ноздри раздуваются от запаха крови, я чувствую, как ускоряется биение сердец, а мускулы напрягаются. Так призывно действует не запах крови мертвых. Предатели накинулись на трупы подобно стервятникам. Они расчлениют и режут трупы на части ножами и грубыми инструментами, забирая органы и части тела, только Император знает для чего. Я хочу оказаться среди них, разрывая их на части зубами и клыками, запустить кулак во внутренности этих трусов и вырвать их глотки. Я опираюсь рукой на пресс и успокаиваюсь, чувствуя, как со лба стекает капля пота. Я закрываю глаза и говорю себе, что последующие убийства утолят мою жажду. Я должен поверить в эту ложь,

иначе я провалю задание.

Мы подбираемся к четвертому прессу по одному, прижимаясь к земле и держа оружие перед головой. Моё лицо кривится, оттого, что обломки царапают кожу. Из десятка порезов по всему телу бежит кровь, и каждый укол боли грозит вырвать остатки моей сдержанности. Я сжимаю зубы и загоняю вглубь злобу, поднимающуюся в груди. Бредущий предатель заставляет меня остановиться на полпути между четвертым и пятым прессом. Я смотрю на него из-за упавшей трубы. Я не слышу его шагов, они теряются в биении моих сердец. Я лежу и смотрю, как Кофи вырывается из укрытия, ломает предателю шею и утаскивает из виду. На мгновение, я ненавижу Кофи. Это облегчение должно было быть моим. Я у пятого пресса. Наша колонна растянулась, остальным нужно время, чтобы догнать нас. Я радуюсь передышке и, опершись спиной о холодный металл, глубоко выдыхаю. Я не видел никого из воинов архиврага, после того как мы вошли в комнату, но все мои инстинкты говорят о том, что они ещё здесь.

Андас рядом со мной рычит.

- *Прокляни тебя Император*, - я выдавливаю ругательство сквозь стиснутые зубы и поворачиваюсь к нему. Его глаза расширяются, в них блестит безумие. Я прижимаю его к прессу.

- Держи себя в руках, брат, - шепотом я говорю ему на ухо, надеясь, что он в силах внять моим словам, - ты выдашь нашу позицию.

Андас скалится и пытается вырваться. Моя злоба уходит, с появлением грусти.

- Храни тебя Сангвиний, - я всаживаю нож в живот Андаса, прикрыв его рот рукой, чтобы скрыть звуки смерти. Я прижимаю тело к прессу, пока не чувствую, что он перестал дергаться и кладу его на землю.

Лицо Сотиса искажается злобой. Из его движений я понимаю, что он злится не на меня. Их братские узы были крепки, и слабость одного постыдна для другого.

- Позволь мне, - он достает нож и наклоняется, чтобы срезать язык Андаса.

Кофи и его отделение уже в семи шагах от дыры в стене, когда приходит буря. Молния разрывает небо и скрывающую нас тьму.

Теперь у нас нет выхода. Придется сражаться.

Предатели-люди реагируют не сразу, они шокированы колонной Расчленителей, оказавшей посреди них. Воины архиврага не знают таких колебаний. Болты уже летят в нашу сторону, ещё до того, как погасла первая вспышка.

К их чести, отделение Кофи не бросается на землю. Они поворачиваются и открывают ответный огонь, звучащий рывканьем болт пистолетов. Я вижу, как погибают трое скаутов, отброшенные назад масс-реактивными снарядами.

Их самопожертвование позволяет остальным набрать темп.

- Прикрыть огнем! - вырываются из моей глотки слова, когда я бегу в сторону предателей. Пули автоганов высекают искры, попадая в окружающие меня машины. Предатели начинают целиться лучше, мою кожу царапают куски камня, вылетающие от попаданий в землю передо мной.

За моей спиной открывает огонь отделение Витриила. Стучащая какофония тяжелых болтеров заглушает лихорадочные крики предателей. Культисты исчезают в красном тумане, разорванные огнем.

Я пробегаю сквозь дымку крови и плоти. Передо мной стоят три воина архиврага, но я продолжаю движение. Их болтеры направлены на меня, и я сжимаю зубы, приготовившись терпеть ранения, но они не приходят.

Один из врагов дергается и падает, в его шее зияет дыра. Оставшиеся двое бросаются в укрытие за горой стали.

- Рассредоточиться! - я слышу приказ Эшироса отделению, когда оставшиеся космодесантники-предатели открывают огонь по балкону. Я молча возношу молитву Императору, чтобы они нашли укрытие, и продолжаю бежать.

Магазины архиврага опустели. Я слышу, как они падают на землю, а руки тянутся за новыми, слышу сухие щелчки свежих патронов, встающих на место. Я смотрю на то, как их стволы поворачиваются на меня, а пальцы напрягаются на курках.

Они открывают огонь.

Я прыгаю вперед, уходя в кувырок. Выстрелы режут у меня над головой, разрывая воздух в том месте, где я только что стоял. Я встаю у ног ближайшего из врагов. Энергетическое поле моего клинка вспыхивает лазурным пламенем, а болтер архиврага падает, когда я отсекаю ему руку. Он кричит на языке, который обжигает мои уши. Я рычу, перехватывая меч и отрубая ему голову.

Последний из предателей бьет меня прикладом болтера. У меня нет времени, чтобы уклониться и я подставляю скрещенные запястья и готовлюсь к удару. Вспыхивает боль. Он бьет меня снова и что-то ломается. Третий удар попадает в мои ребра. Я взмахиваю мечом, отсекая ствол болтера. Удар оставляет меня открытым, и враг пользуется этим. Он бьет меня в подбородок левой рукой. Я кувыркаюсь после удара и стараюсь не потерять сознание.

Предатель идет на меня, и из вокс-решетки его шлема раскатывается смех. У меня из ушей начинает идти кровь.

- Прими свою смерть, она - идеальное отражение твоей жизни, - его голос похож на скрип иссохшего дерева, невозможно старого, по меркам смертных. Он достает длинный изогнутый нож, черный, как его броня.

Я сжимаю рукоять меча.

В наплечник предателя врезаются снаряды. Он поворачивается, поднимая руку, чтобы защитить голову.

- Варвар, - в этом слове заключена вся глубина его ненависти, пока он готовится встретить нападающего.

Сотис бежит к нам, стреляя из болт-пистолета.

Предатель бурчит и бросает нож. Он попадает в грудь Сотиса и отбрасывает его назад.

- Нет! - рычу я и бросаюсь вперед. Мой меч входит в грудь врага. Он хмыкает, будто рана не серьезна и хватает меня за шею. Я смотрю в его забрало и вижу только себя. Ненависть из моих собственных глаз отражается в отполированном черном доспехе.

- Умри, - скрипит мой голос сквозь стиснутые зубы, пока я загоняю клинок глубже и чувствую, как по моей руке бежит его кровь. Его перчатка сжимается на моей шее, я слышу треск костей. Он убьет меня

раньше, чем я найду его сердце.

Мимо моего уха проносится пуля, попадающая в запястье архиврага. Его рука падает. Он поднимает обрубок руки к шлему, не веря в произошедшее.

- Прими смерть, это конец твоей жизни, - огрызаюсь я, вгоняя меч в его основное сердце.

Я даю его труп упасть, и вымотано падаю на одно колено.

- Сангвиний благослови твою меткость, - произношу я благодарность Эширосу, смотря на балкон. Только он мог так стрелять. Я с трудом поднимаюсь и опираюсь на выгоревшую бочку.

- Сколько? - спрашиваю я у Кофи по воксу.

- Слишком много.

Я сглатываю комок ярости и оглядываюсь. Шторм прекратился, и комната снова погрузилась во тьму. Запах смерти становится удушливым. Пол скользит от крови. Сержант Кофи распределяет отделения, а оружие перезаряжается и готовится к бою.

Я слушаю, как дождевая вода отскакивает от металлических прессов, надеясь на мгновение спокойствия, но не нахожу его. Мой разум изменяет звуки, наполняя слух стрельбой, мерным ритмом противоздушного огня и ускоряющегося стрекота автопушек. Мои сердца бьются в груди, готовые продолжить сражаться. Вздохнув, я поднимаюсь на ноги.

Девять нецарийцев покончили жизнь самоубийством. Ещё десяток хныкал как младенцы, трясясь в позе эмбриона от накатившего страха. Остальные беспомощно смотрели и молились Императору, смотря за тем, как Расчленители готовились уходить.

- Поднимайся на борт, капеллан, - голос Сета был похож на рев цепного меча.

- Нет, - ответил Апполлус, - мы не можем просто так уйти.

- Мы можем и мы должны.

- Ты забыл о том, что там Темель и остальные?

- Я осведомлен о расстановке наших сил.

- И ты всё равно уходишь?

- Я уже говорил тебе. Эта новая угроза настолько велика, что Кровавые Ангелы не справятся в одиночку.

- Данте стоит позвать, а ты уже бежишь.

Сет зарычал и шагнул вперед, прижав лоб ко лбу Апполлуса.

- Только то, что мы сражаемся вместе уже многие годы, *брат*, только вместе пролитая кровь сохранили сейчас твою жизнь, - Сет сжал кулаки, - клянусь именем Сангвиния, если ты ещё хоть раз будешь говорить со мной таким тоном, я убью тебя.

Апполлус молчал.

Палец Харахеля придвинулся ближе к кнопке активации эвисцератора. Он стоял наверху ramпы

«Громового ястреба», наблюдая за Сетом и Апполлусом. Сет был величайшим воином Расчленителей со времен Амита, но и в Апполлусе скрывалась тьма, дикая жестокость, благодаря которой он был непобедим в дуэльных клетках. Оба – незаменимые герои ордена. Харахель надеялся, что ему не придется вмешиваться.

Сет сделал шаг назад и взял себя в руки.

– Под угрозой Ваал, Апполлус. Тираниды поглощают всё на своём пути. Если мы не отправимся сейчас – Ваал падет.

– И что с того? Пусть Кровавые Ангелы беспокоятся из-за Ваала. Что такого в этом мире?

Разве этот – менее важный?

– Не оскорбляй меня своими потугами на невежество. Ты *знаешь*, что он менее важен.

– Ваал – не наш мир, – ответил Апполлус.

– Это мир Сангвиния, дом нашего отца.

– Нашего отца больше нет, – Апполлус старался держать голос ровным.

– Под двумя красными солнцами смерти будет начало искупления моих сынов. Их судьба будет решаться воином в золотом, по их действиям он познает их отвагу. И будут они сражаться с незнакомым врагом, чудовищем, держащим судьбу людей в своей пасти. В этой войне они не смогут победить, а поражение будет началом конца.

– Я читал Скрижали Сангвиния, – сказал Апполлус, – сколько же наших братьев должно умереть ради победы Данте, сколько жизней Расчленителей стоит Ваал?

– Ваал стоит всех наших жизней, он нужен нам, Апполлус, – Сет уже уходил прочь, повернувшись спиной к капеллану.

– Память о благородстве не изменит нашу сущность.

– Нет, не изменит, – Сет повернулся обратно к Апполлусу, будто с тяжестью на плечах, – но без него мы будем потеряны навсегда. Как мы сможем вернуться с самого края, если нам некуда возвращаться?

Апполлус промолчал и, постояв ещё мгновение, без слов последовал за Сетом в «Громовой ястреб».

Передо мной сцена безумия. Руины улицы заставлены штурмовыми машинами. Каждая артиллерийская пушка несет на себе следы предательства, её железные и стальные части изменились под влиянием темных союзников неккарийцев. Стволы орудий изломаны и разбухли, они растянулись как бесформенные рты, скалящиеся и кашляющие, когда выпускают снаряды. Некоторые из них дергаются в цепях, приковавших их к месту. Другие вспыхивают огнем, их корпуса сверкают и накаляются, поглощая тела орудийного расчета. Всё покрыто темными чернильными рунами, изменяющимися и дергающимися, когда на них помотришь.

Я по колено в грязи, и она дрожит, когда орудия выпускают очередной залп.

– *Держаться. В укрытие*, – знаками указываю я Кофи. Сержант и его отделение находятся в здании за моей спиной. Этот разрушенный сельскохозяйственный завод – единственное укрытие на южной стороне вражеских позиций. На западе Эширос и его скауты скрылись в разбитых хранилищах нутриентов и

ждут приказа. Остальные члены роты уже заходят с севера.

- *Чисто. Двигайся*, - показывает мне Кофи.

Я пригибаюсь ниже и начинаю движение, пролезая между двумя выгоревшими подъемниками к ближайшей машине.

В моем ухе звучит тихий звонок.

- *Стой*, - я замираю и бросаю взгляд на Кофи.

- *Три цели. Десять шагов*, - я с трудом различаю его предупреждение.

Я прижимаюсь животом к земле и высовываюсь из-за груды кирпича, за которой прятался.

Позиция артиллерии опоясана неглубокой траншеей, полной врагов. Патрулирующие предатели прижимают к груди автоганы. Рев демонических орудий и крики их менее удачливых команд отвлекают солдат от патрулирования.

Я постукиваю по горлу один раз, затем ещё два подряд. Три ближайших ко мне предателя дергаются и падают на землю, в черепа каждого из них зияет дыра. Я показываю знак благодарности Эширосу и спрыгиваю в траншею. Уже приближается следующий патруль, они обнаружат тела всего через пару шагов. Я двигаюсь дальше, доверившись тьме и винтовке Эшироса.

Через десять шагов я оказываюсь у первого орудия, которое рычит от моего приближения. Из выхлопных отверстий пушки вырывается зеленое пламя, а в воздухе висит удушливая практически непереносимая вонь серы, кордитекса и обгорелой плоти. Я спотыкаюсь, запах вызывает головокружение, угрожая прибить меня к земле. Я достаю нож и делаю надрез между губой и носом, из него бежит кровь. Её запах заполняет мои ноздри, и вонь орудия исчезает, сменяемая кровавой ясностью. С рыком я устанавливаю заряд. Корпус машины трясется от моего прикосновения.

- *Умри с честью*, - плюю я, и обхожу корпус, подбираясь к следующей цели.

Я закладываю ещё один заряд и кувыркаюсь под корпусом техники, чтобы избежать патруля. Я продолжаю движение, от цели к цели, настолько быстро, насколько осмелюсь, ускоряясь до бега, когда лай артиллерии прячет звуки моих шагов. Эширос и остальные прикрывают меня, когда я бегу по открытому пространству, но между танками я сам по себе.

- *Осторожно!* - выдавливает предатель, когда я выхожу из-за угла противовоздушного танка с четырехствольной пушкой, чтобы занять место между ним и ещё одним танком с мортирой, установленной на месте турели. Рядом со второй машиной стоят ещё четверо из их падшего братства.

Я бросаюсь вперёд, хватаю оружие ближайшего предателя и прижимаю к его груди, толкая перед собой, по пути убивая двоих ударом ножа. Четвертый и пятый поднимают стволы, чтобы выстрелить. Я бросаю нож в грудь четвертого, он падает. Палец пятого напрягается на курке. Я вырываю оружие из рук первого и использую его как дубинку, нанося удар по лицу стрелка. Он падает, из его черепа вытекают мозги. Первый предатель поднимается на ноги, я пока не обращаю на него внимания и забираю свой нож. Когда враг собирается бежать, я поворачиваюсь и прикалываю его к танку ножом за щёку. Его рот дергается, в мольбе, глаза расширяются от ужаса. Я жестоко ухмыляюсь и оставляю его там.

Ещё пара зарядов и работа завершена.

- Стой, - раздаётся в моем ухе шепот Кофи.

Я застываю на месте.

Кофи снова говорит.

- Архивраг.

- Сколько? - спрашиваю я шепотом, плотно прижав к горлу комм-бусину.

- Пять. Тебя заметят, как только начнешь двигаться.

Я сверяюсь с хронометром. Отделения,двигающиеся с севера, подорвут свои заряды через три минуты.

- У нас нет времени.

Я выбегаю из укрытия и открываю огонь, отдача из болт-пистолета на автоматическом режиме бьет мне в руку.

Воины архиврага не двигаются, пока мои болты отлетают от их брони, а затем открывают огонь. Заряды болтеров летят за мной по пятам, пока я бегу в укрытие у вражеской техники напротив. Слишком далеко, моё лицо кривится и я спотыкаюсь, когда мою икру зацепляет скользящим выстрелом.

- Ложись.

Я бросаюсь в пол, по команде Кофи. Секунду спустя за моей спиной взрывается ракета. Затем, на позицию архиврага прилетает вторая и стрельба затихает.

- Заканчивай быстрее, целей больше, чем у нас осталось патронов, - на этот раз в моем ухе звучит голос Эшироса.

Он прав. Предатели наводняют траншеи со всех сторон. Тьма вокруг меня отступает, сменяемая огнем ручного оружия.

Я продолжаю в темпе, бросаю заряды под гусеницы оставшихся машин и расстреливаю выходящие из них экипажи.

- Мы готовы! - кричу я по комму, пробираясь к позиции Кофи

- Да, может быть, совсем готовы, - не напрягаясь, говорит сержант, но он прав.

Траншеи полны предателей, а сам Кофи и его отделение прижаты за низкими стенами. У Эшироса дела обстоят не намного лучше. Я не выберусь до того, как их подавят.

Я смотрю в глаза Кофи во тьме, слова не нужны.

Он взрывает заряды.

Шум настолько силен, что, кажется, будто его нет, оглушающая волна, растягивающая мой рот в крике, когда взрыв сбивает меня с ног. Моё тело окутывает огнем, окатывает шрапнелью, и я ударяюсь о землю. Тьма забирает с собой боль.

- Капитан? Капитан Темель?

Я открываю глаза и вижу Кофи. Он жестами показывает не двигаться. Я смотрю на свой живот и вижу,

что прибит к земле зазубренным металлическим штырем.

- Дело сделано? - я чувствую, как из моего рта бежит кровь, пока я говорю.

- Да, артиллерия уничтожена, - лицо Кофи выражает беспокойство.

- Ненавижу ре-ювенатный саркофаг, - с ухмылкой говорю я, - передай мне дальний комм.

Кофи зовет Эшироса. Он хромает, а его левая рука представляет собой кровавый ошметок.

- Капитан, - с гримасой говорит Эширос.

- Похоже, что даже ты не вышел из этого боя не пострадавшим. Благословение Императора было где-то в другом месте.

Его выражение лица расслабляется.

- Похоже, он был занят тобой, - кладет он на землю рядом со мной комм-блок и передает микрофон.

Я нажимаю кнопку, и место статики занимает тишина.

- Магистр Сет.

Проходит мгновение. И ещё одно. Я слушаю потрескивание статики в ожидании ответа.

- Ма...

- Капитан Темель.

Вживую, голос Сета похож на рёв цепного меча. Искаженный воксом, он больше напоминает громовые раскаты гневного бога. Я улыбаюсь, радуясь тому, что я сражаюсь за него, а не против.

- Это Темель. Миссия выполнена.

Статика меняет тон, и, кажется, что Сет собирается ответить. Я молчу, но ответа нет.

- Мы уничтожили вражеские артиллерийские позиции, - продолжаю я, - вы можете начать движение и вступить в бой с основными силами врага.

- Мы не придем, - слова Сета бьют, подобно молоту. Я чувствую их острее, чем рану в животе, - Ваал в опасности, мы уже поднимаемся на орбиту, - продолжает Сет.

- Я понимаю, - мой голос твердеет, когда я думаю о долге и чести. Если это мои последние слова к ордену, пусть они будут сильными и целенаправленными, - Да пребудет с тобой Кровь, повелитель.

- Сангвиний сохрани тебя, Темель.

- Габриэль... - с колебанием начинаю я, стараясь отделить свои чувства от того, что необходимо было сказать, - наше братство выковано в самопожертвовании. Мы несем бремя смерти нашего отца, как шрам на наших душах. Его самопожертвование лежит в самой основе нашего естества. Не позволяй своим действиям давить на тебя, не позволяй им определять, кто ты есть.

Соединение обрывается.

Я передаю устройство Кофи и жду мгновение, ощущая прилив адреналина, наполовину состоящий из

злости, наполовину из горечи.

Кулак сержанта сжимается на микрофоне, его костяшки белеют, когда я передаю сообщение Сета.

- Просто вот так, - рычит Кофи.

- От этого страдает Сет, а не мы.

Эширос вопросительно смотрит на меня.

- Это его ноша, мы будем слишком мертвыми, чтобы переживать, - я делаю паузу, наблюдая, как в уголках их глаз проблескивает осознание, - или вы пришли сюда не для того, чтобы убивать и умереть во имя Императора и Сангвиния?

- Нам нужно идти, скоро здесь будут вражеские подкрепления, - Эширос уже готовит роту, чтобы собраться и продолжить движение.

Я киваю.

- Сделайте для этого мира всё возможное.

- Капитан... - лицо Кофи искажается, он не хочет этого слышать.

- Моё время вышло. Идите.

Кофи собирается отвернуться от меня, но я хватаю его за руку и указываю на нож. Он без вопросов передает его мне.

Я беру нож и засовываю его в кучу дымящихся осколков, пока лезвие не раскалется докрасна. Я открываю рот и одной рукой хватаю язык, а другой подношу к нему клинок.

- Пусть Кровь даст тебе сил, - Кофи делает мне честь, не отворачиваясь от того, как я, молча и со спокойным лицом, отрезаю себе язык.

Мои губы покрыты кровью, и я бросаю кусок мяса Кофи. Он с легкостью ловит его в воздухе и подвешивает на шею вместе с остальными.

- Возьми, - Эширос даёт мне тяжелый болтер, - убивай, пока не умрешь, - говорит он, цитируя одну из любимых аксиом капеллана Апполлуса.

Эширос улыбается и уходит. Кофи остается на мгновение, ища слова, которые он никогда не найдет, перед тем как ускользнуть в ночь.

Я жду, одинокий дозорный во тьме. Я слушаю, как приближаются возня людей и грохот гусениц. Запах крови наполняет мои ноздри и ускоряет биение сердец. Мои мысли поглощены смертью, которая скоро заберет меня, и смертью, которую я принесу врагам.

Я - возмездие, я - ярость, я - гнев. Слова, который я произносил тысячу раз, всплывают в моем сознании, подобно поднимающейся буре. Моё лицо искажается в гримасе. Я передергиваю затвор тяжелого болтера и открываю огонь.

Черный «Громовой ястреб» был практически незаметен на фоне темного скалобетона литейного цеха.

Он не поднимался в воздух с самого первого приземления на Неккарис, между двумя огромными трубами здания.

Первый Фанатик Гилон подошел к кораблю с осторожностью человека, который точно знал, что ожидает его внутри. Он на мгновение остановился, осматривая тьму. Несмотря на то, что говорили его глаза, он не был наивен, чтобы считать, что находился в одиночестве. Гилон провёл всю свою жизнь в вечной ночи Неккариса и научился обращать внимание на то, как вставали дыбом и дергались волосы на его шее. Там, в темноте, за ним следили боги. Он вдохнул, успокаивая нервы, и поднялся по рампе, в сумрак «Громового ястреба».

Внутри корабля было так же темно, как и снаружи. Гилон достал из туники люмо-палочку и резко разломил её. Химикаты внутри заискрились белым, пока не проявился обычный светло-зеленый цвет. Он пошел вперед, держа палочку перед лицом. «Громовой ястреб» был не рад его присутствию, светло-зеленое свечение придавало внутреннему убранству призрачные черты. Каждый шаг Гилона отдавался жутким эхом, внушавшим ему ужас. Корабль был больше похож на мавзолей, чем на воздушно-десантное судно. У стен основного трюма стояли древние статуи, высеченные из темнейшего камня. У ног каждой из них было оружие или ужасная реликвия, заключенные в стазис, назло времени. Гилон был здесь всего два раза. Первый из них – во время Дня Правды, когда боги пришли и освободили его от лжи фальшивого Императора. Второй – когда он привел свою армию к победе, зачистив столицу Неккариса от трусов, не желавших принять единственную правду. Гилон прошел к лестнице, ведущей на верхний этаж, и зажал люмо-палочку в зубах. Подтянувшись, он схватил первую перекладину. Она была настолько толстой, что он с трудом мог её обхватить. Подъем давался Гилону гораздо тяжелее, чем в прошлый раз, усилия истощали его уже старое тело.

По верхней палубе гуляли тени, как будто она была подсвечена дергающимся огнем костра. Гилон загнал в себя знакомое ощущение ужаса и убрал люмо-палочку в карман. В корабле не было ни намека на жаровню или открытый огонь, но за ним следовал треск горящего дерева, пока он пересекал палубу, чтобы войти в следующую комнату.

- Зачем ты пришел? - голос Да'Ка Джумоке менялся, пока он говорил, напоминая ускользящий гром, шторм, собирающийся на горизонте.

Гилон упал на колени, распластавшись перед Да'Ка. Облаченный в черную броню бог сидел на троне из отполированного металла. Он был один в комнате, но при этом был более угрожающим, чем тысячи людей Гилона.

- Всё как ты говорил, повелитель, - Гилон смотрел в пол, пока говорил, - космодесантники, Расчленители, они уходят.

- Ты уверен? - то, как резко Да'Ка задал вопрос, резануло по ушам Гилона.

- Да, повелитель, - фанатик задрожал, пораженный ощущением крови, стекающей по его шее из ушей, - в этом нет сомнений. Мы...

Гилон дернулся, когда с трона Да'Ка раздался мягкий щелчок открытого комм-канала.

- Отзывайте братство. Мы закончили, - сказал Да'Ка, не обращая внимания на Гилона и двигаясь к выходу.

- Повелитель...- Гилон застыл с открытым ртом, вопрошая. Он повернулся, смотря на Да'Ка, пока космодесантник проходил мимо него, - теперь, когда Расчленители ушли, мы можем захватить столицу.

Я думал, что это час нашей победы. Мы должны возобновить ата...

Со скоростью, невозможной для его комплекции, Да'Ка схватил Гилона и поднял в воздух, поднеся его лицо к своему шлему.

- Повелитель...я не хотел тебя оскорбить...- жалобно залепетал Гилон, увидев свое хрупкое тело отражающимся в непроглядной тьме шлема Да'Ка.

- Шшш, тише, - Да'Ка опустил голос, - вселенная не желает слышать о твоей слабости.

- Почему, повелитель? Почему ты бросаешь нас? - губы Гилона дрожали, по щекам бежали слёзы страха.

- Мне наплевать на твой мир. Мой покровитель желает падения Расчленителей. Сет оставил своих воинов умирать, а такое самопожертвование ни для кого не проходит бесследно. Такие мелкие раны и убивают гигантов, - Да'Ка положил руку на лицо Гилона, наслаждаясь хрустом костей, когда он усиливал давление, - хоть ты и жалок, я заберу твою жизнь. Ты будешь последним клинком, который оставит от моей души пустоту, которую нельзя будет ранить.

Челюсть Гилона была сломана, и он не мог кричать, когда щупальца синего пламени выползли из перчатки Да'Ка, чтобы поглотить его. Последние мгновения жизни Гилона воплощали собой ужасную, неопишемую агонию, а его кости горели со звуком сухого дерева.

Источник —

[https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Сыновье_бремя_/_A_Son%60s_Burden_\(рассказ\)&oldid=5785](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Сыновье_бремя_/_A_Son%60s_Burden_(рассказ)&oldid=5785)

Эта страница в последний раз была отредактирована 15 октября 2019 в 20:01.